

Прародина сино-кавказской языковой общности: проблема локализации

**Алексей Романчук.
25.02.2008**

Эта статья представляет собой переработанный вариант второй части статьи «Юев народ и его прародина», которая была опубликована в сборнике «Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции». С.-Петербург, 7-10 февраля 2007 г. /Сост. и отв. ред. С.В.Пахомов. Спб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2007. - 817 с., с. 465-472

Гипотеза сино-кавказской языковой общности была предложена С. А. Старостиним (Старостин 1982, 1984), и затем поддержана и развита рядом исследователей – в первую очередь И. И. Пейросом и С. Л. Николаевым.

Исследователи, предложившие и наиболее активно разрабатывавшие саму идею сино-кавказской языковой общности - С. А. Старостин и И. И. Пейрос, предлагали локализовать ее где-то в западных областях Передней Азии, возможно даже, в Анатолии (Пейрос 1988: 321; Пейрос 1990: 67). После распада этой макросемьи, по их мнению, сино-тибетцы и кеты двинулись на восток. Но порознь и независимо друг от друга – языковых сближений между ними не наблюдается.

Однако, по замечанию И. И. Пейроса, реально никто разработкой вопроса о локализации сино-кавказской прародины еще не занимался. И, ряд обстоятельств заставляет меня усомниться в ее локализации в Западной Азии.

Прежде всего, на эту мысль наталкивает характер языковых контактов сино-тибетских языков с дравидийскими, и северокавказских – с картвельскими и индоевропейскими (Романчук, в печати). В силу ограниченности места я не буду останавливаться на этом вопросе подробнее и перейду ко второму источнику сомнений в возможности локализации сино-кавказской прародины в Западной Азии.

Второй источник сомнений представляет нам картина языковых взаимоотношений между афразийскими языками и северокавказскими.

Дело в том, что «практически не представлена общая земледельческая культурная лексика на уровне праязыкового состояния двух сопоставляемых семей, то есть пра-афразийская – пра-севернокавказская» (Милитарев, Старостин 1984: 34). Далее, все семитские заимствования из северокавказских не имеют южносемитских параллелей. То есть, реконструируются не на общесемитском уровне, а на более позднем – северносемитском (Милитарев, Старостин 1984: 41). И, по мнению А. Ю. Милитарева и С. А. Старостина, отсутствие специфических египетских сближений указывает на то, что в период восточнокавказских контактов с семитами египтяне находились уже в стороне от этих контактов (Милитарев, Старостин 1984: 40).

То есть, по этим данным, северокавказские языки достаточно поздно начали контактировать с афразийскими.

Для сравнения стоит обратиться к представлениям современного языкознания о языковых контактах шумеров и афразийцев. Поддерживая в целом А. Ю. Милитарева, И. М. Дьяконов пришел к выводу, что «шумерский язык попал в Переднюю Азию до

контактов с несемитскими афразийцами, и, конечно, до ухода всей афразийской семьи в Африку – по одному из двух приемлемых в настоящее время сценариев истории этой языковой общности» (Дьяконов 1996: 88).

То есть, пришлые шумеры с афразийцами контактировали. А северокавказцы, которые вроде бы «местные» - не успели. И это притом, что место распада северокавказцев полагается южнее Кавказа, в Закавказье – как раз на стыке ареалов афразийцев и шумеров (Милитарев, Старостин 1984: 30).

Наконец, третий источник сомнений в возможности отыскать прародину сино-кавказцев в Передней Азии, и самый серьезный, представляет анализ культурной лексики северокавказского праязыка.

Среди культурной лексики, относящейся к общесеверокавказскому фонду, мы видим наличие и двух лексем для обозначения проса (Старостин 1985: 80). Первое – «просо на корню» (лексема 28), второе – «сжатое просо, просо в зерне» (лексема 29).

В этой связи С. А. Старостин замечает, что «наличие двух терминов для проса (№ 28 и 29) вызывает некоторое удивление, поскольку просо в рассматриваемый период было мало распространено в Передней Азии и на Кавказе» (Старостин 1985: 90). Действительно, по данным Г. Н. Лисицыной и Л. В. Прищепенко, в Передней Азии только в Закавказье для V – IV тыс. до н. э. мы наблюдаем присутствие проса (а именно - *Panicum miliaceum* и *Setaria italica*) (Лисицына, Прищепенко 1977: 42, 58). Правда, и там оно занимает достаточно малое место. В Месопотамии же просо появляется только к началу III тыс. до н. э. (Лисицына, Прищепенко 1977: 52).

Тем не менее, несмотря на малую распространенность проса в неолите Закавказья, в северокавказских языках мы наблюдаем развитие значения от «просо» к понятию «хлеб вообще» (Старостин 1985: 80). По данным исторической лингвистики такое явление наблюдается тогда, когда именно какой-то злак занимает, или занимал в прошлом первостепенное место в рационе данной этнокультурно-языковой общности.

Такая ситуация выглядит достаточно странно. «Высокий статус» проса, при его малой распространенности, объяснить сложно.

Однако, это вполне объяснимо, если предположить, что высокий статус проса – черта, унаследованная пра-северокавказцами от предковой по отношению к ним общности, сино-кавказской. Действительно, согласно составленному С. А. Старостиным (2005) глоссарию сино-кавказского языка, в нем наличествуют по меньшей мере две лексемы со значением «просо, рис» (<http://starling.rinet.ru/Texts/glossary.pdf>). А, соответственно, прародину сино-кавказской языковой общности стоит искать в регионе, где просо (или рис) играло бы такую важную роль, причем с древнейших времен.

Таким регионом, безусловно, является Восточная и Юго-Восточная Азия.

Так, по данным исторической этнографии у многих народов Юго-Восточной Азии именно просо предшествовало рису в качестве главной культуры (Чеснов 1977: 251). Очень интересно, что это коррелирует с зафиксированным этнографами фактом - у многих народов этого региона до сих пор особую церемониальную роль играет именно просо (Чеснов 1975: 92; 1977). А также блюда и напитки из проса (Weber, Fuller 2007: 1-18).

Что касается Северного Китая, то по данным археологии, именно в этом регионе хозяйство первых земледельцев с самого начала и до третьего тысячелетия до н. э. было основано главным образом на выращивании проса. Это подтверждают как данные палеоботаники, согласно которым *Setaria italica* и *Panicum miliaceum* были для Северного Китая первыми одомашненными злаками (причем лидирующим в хозяйстве неолитического населения бассейна Хуанхэ злаком было просо *Setaria italica*, а на втором месте стояло просо *Panicum miliaceum*), так и данные изотопного анализа

костей неолитического населения Северного Китая – в их рационе преобладали именно злаки, накапливающие изотоп С4, то есть просо (Pechenkina E. et al. 2005: 1178-1179).

Добавлю в скобках, что древнейшим для региона бассейна Хуанхэ неолитическим памятником и одновременно - самым ранним в истории человечества очагом просоводства, на сегодняшний день признается поселение (открыто в 1986 г.) в южной оконечности провинции Хэбэй (окрестности деревни Наньчжуантоу 南莊^叁 уезда Сюйшуйсянь 徐水縣), нижние слои которого датируются китайскими археологами серединой XI тыс. до н.э. (Кравцова 2007).

В Южном Китае обычно полагают рис в качестве основного злака для первых земледельческих культур. Однако, как показывают недавние исследования, хозяйство пре-неолитических и ранне-неолитических культур Южного Китая было комплексным, и первоначально лидирующую роль в рационе питания играли различные орехи, желуди и коикс (*Coix lacrima jobi*) (Fuller, Qin, Harvey 2007: 6).

То, что именно коикс изначально занимал столь заметное место в хозяйстве пре-неолитического и ранне-неолитического населения Южном Китае, требует сделать существенно важное пояснение по поводу самого понятия «просо» для древних земледельцев. Для древних земледельцев «просо», очевидно, было понятием гораздо более широким, чем для нас. По словам С. Вебера и Д. Фуллера, просо – термин, обозначающий очень гетерогенную группу злаков, общим для которых является прежде всего такой признак, как «маленькие шероховатые зерна». В том числе многие авторы включают сюда и коикс – *Coix lacrima jobi* (Weber, Fuller 2007: 1). Тем более это было верно для восприятия первых земледельцев, судивших прежде всего по внешним и самым важным для них признакам.

Более того, Стивен Вебер показал, что спектр видов растений, который мог обозначаться термином «просо», был куда шире, чем даже мы сегодня это обычно представляем. По его словам, «важно отметить, что *Chenopodium album*, который проявляется в археологических находках вместе с просами, имеет много схожих характеристик. И там, где, как на поселении Рожди (Индия - А. Р.), роль прос снижается, замечено, что растет роль *Chenopodium album*. Иными словами, термин «просо» мог использоваться в древности для обозначения растений, похожих на просо по своим характеристикам» (Weber 1998: 267).

Таким образом, термин «просо» мог изначально обозначать один вид проса, а затем быть перенесен на другой вид. Это хорошо подтверждается примером Южной Азии, где изначально были одомашнены такие виды проса, как *Panicum sumatrense*, *Brachiaria ramosa*, *Setaria verticillata* и ряд других, а затем их в основном вытеснили *Setaria italica* и африканские жемчужные проса (Fuller 2007: 425). При этом, очевидно, происходил перенос имени со старого вида проса - на новые. И, более того, Д. Фуллер аргументирует для ряда терминов в современных дравидских языках, обозначающих рис, что в прошлом они имели более широкое значение «злаков вообще», а первоначально, видимо, обозначали и «просо». Еще более очевидно это, полагает он, для языков мунда, где тоже произошел перенос терминов, обозначавших «просо», на рис.

Поэтому, значительная роль коикса в хозяйстве ранне-неолитического населения Южного Китая требует включать и этот регион в число тех, в которых в сино-кавказском языке термин «просо» мог приобрести столь высокий статус.

К этому следует добавить, что и такой вид проса, как *Setaria italica* проникает в Южный Китай, в бассейн Янцзы, очень рано, на средней фазе культуры Даси - во второй половине 5 тыс. до н. э. (Weber, Fuller 2007: 6) Это интересно отметить, поскольку это намного опережает процесс проникновения риса в обратном

направлении – в Северный Китай, где рис появляется только в поздней Яншао, и в основном – уже в культуре Луншань (то есть, в 3 тыс. до н.э.).

Таким образом, исходя из наличия в сино-кавказском языке двух лексем со значением «просо, рис», именно Восточная Азия оказывается тем регионом, где могла сформироваться и существовать сино-кавказская языковая общность.

К «аргументу проса» следует добавить и «аргумент курицы». В прасеверокавказском языке есть слово «курица» (Старостин 1985: 19). По словам С. А. Старостина, единообразие слов «курица» и «наседка» в прасеверокавказском – свидетельство в пользу наличия птицеводства (точнее, куроводства – А. Р.) уже в эпоху прасеверокавказской языковой общности (Старостин 1985: 91).

Однако, курица была одомашнена в Восточной или Юго-Восточной Азии, или на прилегающих территориях (Чеснов 1975: 115; Fuller 2007: 402), и достигает Египта уже к эпохе Нового царства (Чеснов 1975: 34).

Именно в Северном Китае же курица с определенного времени составляет один из трех главных компонентов в местном неолитическом хозяйственном комплексе – «просо, свинья, курица» (Pechenkina E. et al. 2005: 1178-1179). Хотя и не совсем ясно время ее одомашнивания – определения костей курицы затруднены их хрупкостью, малыми размерами и как следствие, плохой сохранностью. Ну, и, соответственно – сложностью определения отличий между домашними и дикими разновидностями. Тем не менее, с учетом всего вышесказанного, на сегодняшний день специалисты отмечают, что известны многочисленные находки костей курицы в неолитических памятниках бассейна Хуанхэ, относящиеся к 5 тыс. до н. э. (Fuller, Qin, Harvey 2007: 12) Аналогичное, очень важное место, занимает курица и в Южном Китае, в составе характерного для данного региона комплекса «рис, водяной буйвол, курица» (Fuller 2007: 401).

То есть, при сопоставлении данных культурной лексики сино-кавказского языка и данных палеоботаники и археологии мы имеем уже два свидетельства, свидетельствующих в пользу локализации прародины сино-кавказской языковой общности в пределах Восточной Азии.

К этому добавляется еще ряд аргументов, которые, на мой взгляд, радикально исключают Переднюю Азию из числа претендентов на роль места формирования сино-кавказской языковой общности.

В первую очередь, это привлечение к анализу современных данных о процессах неолитизации и доместикации растений и животных на Ближнем Востоке и, шире, в Передней Азии.

Дело в том, что, судя по культурной лексике, распад сино-кавказской языковой общности не мог происходить ранее неолита и возникновения уже земледелия. Так, в разработанной на 2005 год С. А. Старостиным базе данных - глоссарию сино-кавказского языка, мы видим наличие таких лексем, как «вспаханное поле, поле под паром», «злак» и ряд других (<http://starling.rinet.ru/Texts/glossary.pdf>), указывающих на то, что сино-кавказская языковая общность распалась не ранее начала неолита и возникновения земледелия и скотоводства. Более того, в сино-кавказском языке есть даже лексема «металл». То есть, это показатель еще большей молодости сино-кавказской языковой общности.

И тут очень важный факт, на который никто не обращал внимания в связи с локализацией сино-кавказской прародины. А именно - возникновение земледелия в Передней Азии представляет собой одомашнивание вполне конкретного набора растений и животных, который принято даже обозначать как «ближневосточный комплекс». В это понятие входит, прежде всего, пшеница и ячмень.

Причем, по современным данным, использование дикого ячменя как одного из важных компонентов в питании относится на Ближнем Востоке ко времени около 19 тыс. ЛН (Fuller 2007a). А для времени 10-8 тыс. ЛН речь идет о уже широком и массовом распространении культурного ячменя. Равно как и пшеницы (Willcox 1997).

А кроме растений, сюда же надо добавить корову и овцу, которые были одомашнены примерно к этому же времени (Fuller 2007: 419).

То есть, если бы сино-кавказская общность существовала в Передней Азии, и затем выделившиеся из нее сино-тибетцы двинулись на восток, они не могли не принести в Китай и этот набор культурных растений и животных. Однако этого не наблюдается - в Китае и пшеница и ячмень появляются очень поздно – не ранее конца 3 тыс. до н. э. (Fuller, Qin, Harvey 2007: 13; Lee, Bestel 2007: 57; Li et al. 2007: 555-560; Crawford 2006: 87). Равно как и домашние животные, связанные своим происхождением с Передней Азией – корова и овца. А это по определению слишком поздно для синокавказской общности.

Если же мы попытаемся проверить по этому же критерию вариант обратного движения – из Восточной Азии на запад, и даже конкретнее - в Закавказье, то мы действительно наблюдаем появление в неолите Закавказья ряда культурных видов, которые по своему происхождению связываются с Восточной Азией.

И в первую очередь это как раз просо.

На Кавказе в памятниках неолита (равно как и в более поздние времена) просо представлено конкретно видами *Panicum miliaceum* (просо обыкновенное) и *Setaria italica* (чумиза).

Что касается *Panicum miliaceum*, то, согласно данным палеоботаники, именно в Китае (в широком смысле слова) «наибольшее внутривидовое разнообразие его форм, ряд типичных эндемов, наблюдается наибольшая пестрота популяций. Кроме того, в Юго-Восточном Китае распространены сорные виды, считающиеся родичами культурного проса – *Panicum spontaneum* Lyssov и *Panicum miliare* Lam.» (Янушевич 1976: 152). Исходя из этого, палеоботаники предложили, что в Закавказье *Panicum miliaceum* проникает из Китая. Причем очень рано, уже в неолите, и именно через юго-запад Средней Азии, где В. Н. Лысовым тоже обнаружено очень высокое экологическое и морфологическое разнообразие сортов и форм проса обыкновенного. Относительно *Setaria italica* мы имеем и данные исследований с использованием методов молекулярной биологии и генетики. Согласно им, можно говорить о двух, по крайней мере, одомашниваниях этого вида в Восточной Азии. И, видимо, еще одно одомашнивание имело место на территории Афганистана и северо-западного Пакистана. (Fuller, Qin, Harvey 2007: 13; Fucunaga, Kato 2003; Fucunaga, Ichitani, Kawase 2006; Fucunaga et al.: 38-44; Nakayama, Namai, Okuna 1999; Weber, Fuller 2007: 1-18; Fuller 2007: 417)

Для *Panicum miliaceum* такого рода исследований пока не сделано. Следует также отметить, что тот же Д. Фуллер, исходя из находок *Panicum miliaceum* и *Setaria italica* на Кавказе уже в неолите, не исключает возможности, что там был самостоятельный очаг доместикации этих двух видов (Weber, Fuller 2007: 1-18; Fuller 2007: 417)

Однако, как я постарался показать выше, если мы признаем факт существования сино-кавказской языковой общности, то мы автоматически должны полагать появление проса на Кавказе явлением, связанным с существованием этой общности. Даже если просо было одомашнено пра-северокавказцами на Кавказе еще раз.

Кроме того, проса *Panicum miliaceum* и *Setaria italica* – не единственные виды культурных растений, появляющиеся на Кавказе в неолите, и чье происхождение связывается с Восточной Азией. В первую очередь сюда следует добавить абрикос.

Причем в Южном Китае в раннем неолите абрикос занимает достаточно важное место в питании, например, в культуре Хэмуду на нижней Янцзы (Fuller, Qin, Harvey 2007: 6). Следует также отметить, что на Кавказе абрикос тоже появляется уже в неолите (Янушевич 1976: 183), то есть синхронно с просом. И уже оттуда позже проникает в Европу, что даже отразилось в его латинском названии как «армянского» фрукта. И, согласно современным данным генетических исследований, китайский абрикос и остальные евразийские сорта образуют один вид (Zhebentyayeva et al. 2003: 435-444). Вероятно, кроме абрикоса, сюда же следует добавить и коноплю. Во всяком случае, ботаники полагают, что конопля *Cannabis sativa* была одомашнена в Северо-Восточной Азии, и затем через Центральную Азию попала в Европу (Fleming, Clarke 1998: 80-92). Однако, современное состояние генетических исследований конопли пока не позволяет однозначно утверждать, что европейская конопля своим происхождением связана с Северо-Восточной Азией (а не является результатом самостоятельной доместикиции). Тем не менее, этот факт тоже следует иметь в виду.

Таким образом, исходя из всех этих данных, я и полагаю, во первых, что прародина сино-кавказской языковой общности не может быть локализована в Передней Азии. А во вторых, наиболее приемлемым местом для локализации прародины сино-кавказской языковой общности выглядит Восточная Азия. Где именно в рамках этого большого региона, уточнить пока затруднительно.

Литература:

- Дьяконов И. М. 1996 Шумеры и афразийцы глазами историка. ВДИ, №4
- Кравцова М. Е. 2007 Верования и культы неолитического Китая. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 томах. [т. 2:] Мифология. Религия. Спб. Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. 1977 Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.
- Милитарев А. Ю., Старостин С. А. 1984 Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., ч.3
- Николаев С. Л., Старостин С. А. 1984 Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., ч.3
- Пейрос И. И. 1988 Австро-тайская гипотеза и контакты между сино-тибетскими и австронезийскими языками. Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Пейрос И. И. 1990 Лингвистические аспекты изучения древнейшей этнической истории Южной Азии. Истоки формирования современного населения Южной Азии. М.
- Романчук А. А. 2007 Юев народ и его прародина. Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. С.-Петербург, 7-10 февраля 2007 г. /Сост. и отв. ред. С.В.Пахомов. Спб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та.
- Романчук А. А., в печати. Три шага Вишну и локализация прародины сино-кавказской языковой макросемьи. *Stratum plus* 2, 2005-2006
- Старостин С. А. 1982 Пра-енисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. Кетский сборник. Л.
- Старостин С. А. 1984 Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северо-кавказскими языками. Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., ч.4

- Старостин С. А. 1985 Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде Древняя Анатолия. М.
- Старостин С. А. 2005 Синокавказский (глоссарий). <http://starling.rinet.ru/Texts/glossary.pdf>
- Чеснов Я. В. 1977 Земледельческие культуры как этногенетический источник. Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М
- Чеснов Я. В. 1975 Историческая этнография стран Индокитая. М.
- Янушевич З. В. 1976 Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев
- Crawford G. 2006 East Asian plant domestication *Archaeology of Asia* (ed. M. Spark)
- Fleming M. P., Clarke R. C. 1998. Physical evidence for the antiquity of *Cannabis sativa* L. (Cannabaceae). *Journal of the International Hemp Association* 5(2): 80-92
- Fucunaga K., Kato K 2003 Mitochondrial DNA variation in foxtail millet, *Setaria italica* (L.) P. Beav. *Euphytica*, vol.129, pp. 7-13
- Fukunaga K., Ichitani K., Kawase M. 2006 Phylogenetic analyses of the rDNA intergenic spacer subrepeats and its implication for the domestication of foxtail millet, *Setaria italica*. *Theoretical and Applied genetics*, vol. 113 (2), pp. 261-269
- Fukanaga K., Ichitani K., Taura S., Sato M., Kawase M. Ribosomal DNA intergenic spacer segments in foxtail millet landraces. *Hereditas*, vol.142, pp.38-44
- Fuller D. 2007 Non-human genetics, agricultural origins and historical linguistics in South Asia. *The Evolution and history of human population in South Asia, 2007*, (Petraglia M. D., Allchin B.(eds.))
- Fuller D. 2007a Contrasting patterns in crop domestication and domestication rates: recent archaeological insights from the Old World. *Annals of Botany: AOBPreview published online on May 10, 2007*
- Fuller D., Qin L., Harvey E. 2007 A critical assessment of early agriculture in East Asia, with emphasis on Lower Yangtze rice domestication. "Pradghara", issue related to seminar "First farmers in global perspective", Lucknow
- Lee A.-G., Bestel S. 2007 Contextual analysis of plant remains at the Erlitou-period Huizui site, Henan, China. *Indo-Pacific Prehistory Association Bulletin*, vol. 27
- Li X., Dodson J., Zhou X., Zhang M., Masumoto R. 2007 Early cultivated wheat and broadening of agriculture in Neolithic China. *The Holocene*, Vol. 17, No. 5, 555-560
- Nakayama H., Namai H., Okuna K. 1999 Geographical variation of the alleles of the two prolamin loci, Pro1 and Pro2, in foxtail millet, *Setaria italica*. *Genes and Genetical Syst.*, 74 (6), pp.293-297
- Pechenkina E., Ambrose S., Xiaolin M., Benfer R. 2005 Reconstructing northern Chinese Neolithic subsistence practices by isotopic analysis. *Journal of Archaeological Sciences*, vol. 32, p. 1178-1179
- Weber S. 1998 Out of Africa: the initial impact of millet in South Asia. *Current Anthropology*, vol. 39, N. 2
- Weber S., Fuller D. Millets and their role in early agriculture. "Pradghara", issue related to seminar "First farmers in global perspective", Lucknow, 2007, pp.1-18
- Willcox G. 1997 Archaeobotanical evidences for the beginning of agriculture in Southwest Asia. *The origins of agriculture and crop domestication* (ed. by A. B. Damania, J. Valkoun, G. Willcox, C. O. Qualset).
- Zhebentyayeva T., Reighard G., Gorina V., Abbote R. 2003 Simple sequence repeat (SSR) analysis for assessment of genetic variability in apricot germoplasm. *Theoretical and Applied Genetics*, vol. 106, 3, pp.435-444